

Память, эмпатия, высказывание: археология автофикциональных практик

Карина Разухина, Алексей Масалов

От составителей

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_218

Karina Razuhina, Alexey Masalov
From the Guest Editors

Популярность автофикшна в России становится причиной внимания к этой форме не только книжного рынка и читательских сообществ, но и академических кругов, которые стремятся определить специфику этого явления. Очевидно, что автофикшн отличается и от классической автобиографии, сюжет и структура которой воспроизводят жанровые признаки *Bildungsroman*'а, и от псевдо(авто)биографических текстов разнообразных эпох («Выдержки из записок моего деда» Козьмы Пруткова, «Джакомо Джойс» Джеймса Джойса, «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева), подрывающих фактуальность за счет пародического¹ отношения к формулам своих претекстов. Кросс-жанровая природа автофикциональных практик, совмещающая дневниковые, эссеистические и антироманные нарративные стратегии, порождает собственные конвенции и специфические способы репрезентации личного опыта. Автофикшн является ревизованной постмодерном автобиографией, поэтому ставит под сомнение понятия «правды» и «вымысла», разыгрывая пространство повествования, где фикциональное и документальное существуют в диалектическом единстве. Отсюда возникает ряд историко-культурных проблем. Как оценивать статус текста, сознательно размывающего границы достоверного и вымышленного? Наконец, с утверждением этого режима письма на русскоязычном книжном рынке с начала 2020-х подвижными делаются процессы перевода предельно личного в публичное измерение. Проблематичным становится использование персонального, часто травматичного опыта в качестве материала для художественного высказывания. В отношении автофикшна нередко можно услышать тезисы о его терапевтичности, обостряющие рецепцию дуальной

1 Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Подг. изд. и коммент. Е.А. Тоддеса, А.П. Чудакова, М.О. Чудаковой. М.: Наука, 1977. С. 290.

природы этой практики: где заканчивается эстетическое и начинается терапевтическое, стоит ли разъединять в жесте письма эти две функции?

Эти вопросы были поставлены еще в дискуссии Филиппа Лежена и Сержа Дубровски в конце 1970-х. Писатель решил заполнить «пустую клетку» леженовской концепции, настаивающей на том, что автор — герой — рассказчик не могут быть субъектно и ономастически тождественны внутри романного повествования. К этому прибавляется психоаналитический аспект: за фактуальность в нарративе отвечает не авторская интенция, а бессознательное². Дальнейший виток дискуссии был положен диссертацией Винсента Колонна, который утверждал, что автофикшн «включает в себя все процессы самоолитературирования, когда автор изобретает собственное существование, проецируя себя в воображаемых персонажах (главным образом через повествование от первого лица) ради достижения катарсиса»³. В его концепции к такой форме саморепрезентации относятся тексты самых разнообразных жанров и тенденций: он возводит «генеалогию автофикшна к античности, и прежде всего к Лукиану, он рисует диахроническую картину того, как эта гибридная форма передается — иногда с большими историческими перерывами — от одного самосочинителя к другому и находит свое воплощение в творчестве Данте, Рабле, Руссо, Гёте, Байрона, Бальзака, Нерваля, Пруста, Кафки, Джойса, Сандра, Селина, Гомбровича, Борхеса, Набокова и многих других»⁴. Исходя из подобных оснований, во франкоязычном научном дискурсе с конца 1970-х по начало 2000-х доминировал жанрово-типологический подход, рассматривающий автофикшн как переходную форму от автобиографии к художественной прозе (например, у Филиппа Гаспарини⁵). Акцент в таких исследованиях делался на соотношении факта и вымысла, референциальности и художественности, а также на анализе нарративных конвенций. Одной из ключевых стратегий рассмотрения автофикшна являются исследования, построенные на методологии исследования травмы (*trauma studies*), где этот режим письма анализируется с точки зрения терапевтической функции, механизма работы памяти (Нина Шмидт⁶, Антония Уимбуш⁷). Актуальные англоязычные исследования построены на кросс-методологическом принципе: в работах Хивеля Дикса⁸ автофикшн рассматривается как медиум культурной памяти в ореоле деколониальных практик, Александра Эффе и Элисон Гиббонс описывают этот режим письма через когнитивистскую перспективу⁹.

Если теоретическое освещение автофикциональных практик в основном развивается в западной науке, то практическая реализация ревизованной пост-

-
- 2 См.: *Левина-Паркер М.* Введение в самосочинение: *autofiction* // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 12–40.
 - 3 Цит. по: *Сапожникова Ю.Л.* Есть ли правда в жизнеописаниях и если да, то в чем она? // Новое литературное обозрение. 2019. № 156. С. 278.
 - 4 *Левина-Паркер М.* Указ. соч. С. 28.
 - 5 См.: *Gasparini P.* Est-il je? Roman autobiographique et autofiction. Paris: Seuil, 2004.
 - 6 См.: *Schmidt N.* Autofiction, Disgust, and Trauma: Negotiating Vulnerable Subject Positions in Charlotte Roche's *Schoßgebete* // Schmidt N. *The Wounded Self. Writing Illness in Twenty-First-Century German Literature*. Woodbridge, Suffolk: Boydell & Brewer, 2018.
 - 7 См.: *Wimbush A.* *Autofiction: A Female Francophone Aesthetic of Exile*. Liverpool: Liverpool University Press, 2021.
 - 8 См.: *Dix H.* *Autofiction and Cultural Memory*. London: Routledge, 2022.
 - 9 См.: *Effe A., Gibbons A.* *A Cognitive Perspective on Autofictional Writing, Texts, and Reading* // *The Autofictional: Approaches, Affordances, Forms* / Ed. By A. Effe, H. Lawlor. London: Palgrave Macmillan, 2022. P. 61–81.

модерном автобиографии достигла и российского книжного рынка последних лет. Издательства, ориентируясь на читательский спрос, все чаще продвигают тексты, в которых интимное и травматичное рискует стать товаром, запечатанным в узнаваемые аудиторией жанровые фреймы. Это привело к парадоксальной ситуации: форма, которая изначально зародилась как субверсивная стратегия, подрывающая каноны и направленная на поиск новых способов репрезентации разных идентичностей, постепенно превращается в рецепт по упаковке личного опыта. Наиболее заметна эта тенденция в случае с русскоязычным автофикшном, издаваемым крупными издательскими корпорациями, где темы телесности, насилия, материнства или идентичности подаются через призму «автобиографии успеха». Такие тексты говорят о глобальных проблемах — от домашнего насилия до опыта болезни — через «продаваемые» формулы, сводящие сложность и неуловимость внутреннего опыта к эффективным деталям, классическим нарративным интригам. При этом российский контекст на его нынешнем историческом этапе добавляет к проблеме дополнительные сложности и особенности: с одной стороны, автофикшн остается важным инструментом для голосов, вытесненных из мейнстримного дискурса, особенно в рамках независимых издательских практик, с другой — рыночная логика заставляет эти тексты подстроиться под ожидание аудитории и сделать их более удобными как стилистически, так и на уровне подачи опыта «другого», что ведет к нивелированию радикального потенциала. На ситуацию можно посмотреть и с третьей стороны, не сглаживая влияние книжного рынка: укрепление жанровых коммерчески-ориентированных формул автофикшна — это естественный процесс, обусловленный литературной динамикой, провоцирующей трансформации и модификации автофикциональных практик, когда они достигают своей узнаваемости. Таким примером может послужить книга Маши Гавриловой «Ужасы жизни» (2023), позиционирующая себя как «магический автофикшен», где личный опыт срастается со сказочным сюжетом, новый роман Марии Степановой «Фокус» (2024), где идентичность автофикциональной героини постепенно растворяется в опыте эмиграции, а также гибридное произведение Дарьи Митякиной «Даша строит кенотаф» (2024), совмещающее жанровые конвенции как автофикшна, так и «иронического» детектива 1990-х. Эти три формы бытования — коммерческая, радикальная и гибридная — обуславливают особое внимание к автофикциональным художественным практикам в литературной критике и гуманитарных исследованиях.

Например, обозначенные методологические и содержательные аспекты исследования автофикшна стали предметом интенсивного обсуждения в рамках научного круглого стола «Автофикшен и новые автобиографические практики в русскоязычном пространстве», состоявшегося 24 февраля 2024 года на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В ходе междисциплинарной дискуссии участники и участницы мероприятия — литературоведы, критики и редакторы — подвергли комплексному анализу ключевые проблемы, связанные с функционированием автофикционального режима письма в современном литературном поле¹⁰. На базе этого круг-

10 См. подробнее: Разухина К., Юсупова А. Автофикшен в контексте современности: теории и практики. Круглый стол «Автофикшен и новые автобиографические практики в русскоязычном пространстве» (МГУ, 24 февраля 2024 года) // Новое литературное обозрение. 2024. № 189. С. 424–428.

лого стола мы и решили составить блок статей, выявляющих особенности археологии автофикциональных практик в мировой и русскоязычной культуре, то есть анализирующих автофикшн в контексте вопроса «об осуществляющейся в нем функции высказывания, о той дискурсивной формации, к которой оно принадлежит, об общей системе архива, от которой оно зависит»¹¹.

Хивель Дикс, чье исследование «Автофикшн, колониальные бойни и политики памяти» публикуется впервые на русском языке, анализирует автофикциональные произведения постколониальных авторов: ок как коммеморативные практики, позволяющие реконструировать политику памяти по отношению к маргинализированным историческим травмам, вытесненным из глобальных нарративов. Разбирая репрезентацию колониальных трагедий в произведениях Фреда д'Агюяра, Камилы Шамси и Джеки Кей, он показывает, что автофикциональные стратегии, даже будучи заимствованными фрагментарно, восстанавливают культурную и моральную значимость этих событий. **Татьяна Венедиктова** в статье «“Песни о себе” для XXI века» рассматривает философию Фридриха Ницше и лирику Уолта Уитмена как «экспериментальный полигон» новых практик субъективации, которые затем будут развиты в текстах Бена Лернера. Особый акцент ставится на поэтическом воплощении тела и исследовании социальности, позволяющих репрезентировать опыт в автофикциональном высказывании. В своем исследовании «Автофикшн в надежде на эмпатию» **Лариса Муравьева** проводит нарратологический анализ автофикциональных практик в контексте этического поворота, выявляя специфику нарративной эмпатии в романах Анни Эрно и Марии Кочан, а также в рассказах Кристин Анго. Это позволяет определить способы репрезентации травматического опыта и прошлого в соотношении со структурой эмоциональной вовлеченности читателя. В статье **Карины Разухиной** «Все персонажи и события романа не вымышлены и любые совпадения с реальностью не случайны: риторический подход к осмыслению автофикшна» последний предстает как нарративный режим письма и разбирается посредством риторического подхода к производству фикциональности в текстах, существующих в социальном и медийном контексте. Анализируя роман Оксаны Васякиной «Рана», исследовательница выявляет рецептивный потенциал автофикциональных текстов во взаимодействии с паратекстом и особыми нарративными фигурами, маркирующими фикциональность: метанаррация, стратегии «саморазоблачения». **Алексей Масалов** в статье «Способ почувствовать себя живой: герменевтика субъекта в русскоязычном автофикшне 2000–2020-х годов» предлагает смотреть на автофикшн как на практику контрпостмодернистской субъективации, ищущей способы выражения опыта, не обусловленного господствующими дискурсами и властными диспозитивами. Исследуя прямое высказывание в русскоязычном автофикшне начала XXI века, автор выявляет, как этот жест формирует стратегии выхода за рамки идеологического конструирования идентичностей.

Благодарим за помощь в составлении блока Дениса Ларионова, поддержавшего идею на первых этапах, Михаила Постникова, согласившегося сделать перевод статьи Хивеля Дикса, а также Екатерину Вахрамееву, помогавшую в ком-

11 Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. С. 252.

муникации с зарубежными исследователями и присоединившуюся к редакции названного перевода, когда это нужно было сделать в срочном порядке.

Библиография / References

- Левина-Паркер М. Введение в самосочинение: autofiction // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 12–40.
- (Levina-Parker M. Vvedenie v samosochinenie: autofiction // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 103. P. 12–40.)
- Разухина К., Юсупова А. Автофикшен в контексте современности: теории и практики. Круглый стол «Автофикшен и новые автобиографические практики в русскоязычном пространстве» (МГУ, 24 февраля 2024 года) // Новое литературное обозрение. 2024. № 189. С. 424–428.
- (Razukhina K., Yusupova A. Avtofikshen v kontekste sovremennosti: teorii i praktiki. Kruglyy stol «Avtofikshen i novye avtobiograficheskie praktiki v russkoyazychnom prostranstve» (MGU, 24 fevralya 2024 goda) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2024. № 189. P. 424–428.)
- Сапожникова Ю.Л. Есть ли правда в жизнеописаниях и если да, то в чем она? // Новое литературное обозрение. 2019. № 156. С. 271–280.
- (Sapozhnikova Yu.L. Est' li pravda v zhizneopisaniyakh i esli da, to v chem ona? // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. № 156. P. 271–280.)
- Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Подг. изд. и коммент. Е.А. Тоддеса, А.П. Чудакова, М.О. Чудаковой. М.: Наука, 1977.
- (Тынянов Ю.Н. Poetika. Istoriya literatury. Kino / Ed. by E.A. Toddes, A.P. Chudakov, M.O. Chudakova. Moscow, 1977.)
- Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.
- (Foucault M. L'archéologie du savoir. Saint Petersburg, 2004. — In Russ.)
- Gasparini P. Est-il je? Roman autobiographique et autofiction. Paris: Seuil, 2004.
- Dix H. Autofiction and Cultural Memory. London: Routledge, 2022.
- Effe A., Gibbons A. A Cognitive Perspective on Autofictional Writing, Texts, and Reading // The Autofictional: Approaches, Affordances, Forms / Ed. By A. Effe, H. Lawlor. London: Palgrave Macmillan, 2022. P. 61–81.
- Schmidt N. Autofiction, Disgust, and Trauma: Negotiating Vulnerable Subject Positions in Charlotte Roche's Schoßgebete // Schmidt N. The Wounded Self. Writing Illness in Twenty-First-Century German Literature. Woodbridge, Suffolk: Boydell & Brewer, 2018.
- Wimbush A. Autofiction: A Female Francophone Aesthetic of Exile. Liverpool: Liverpool University Press, 2021.